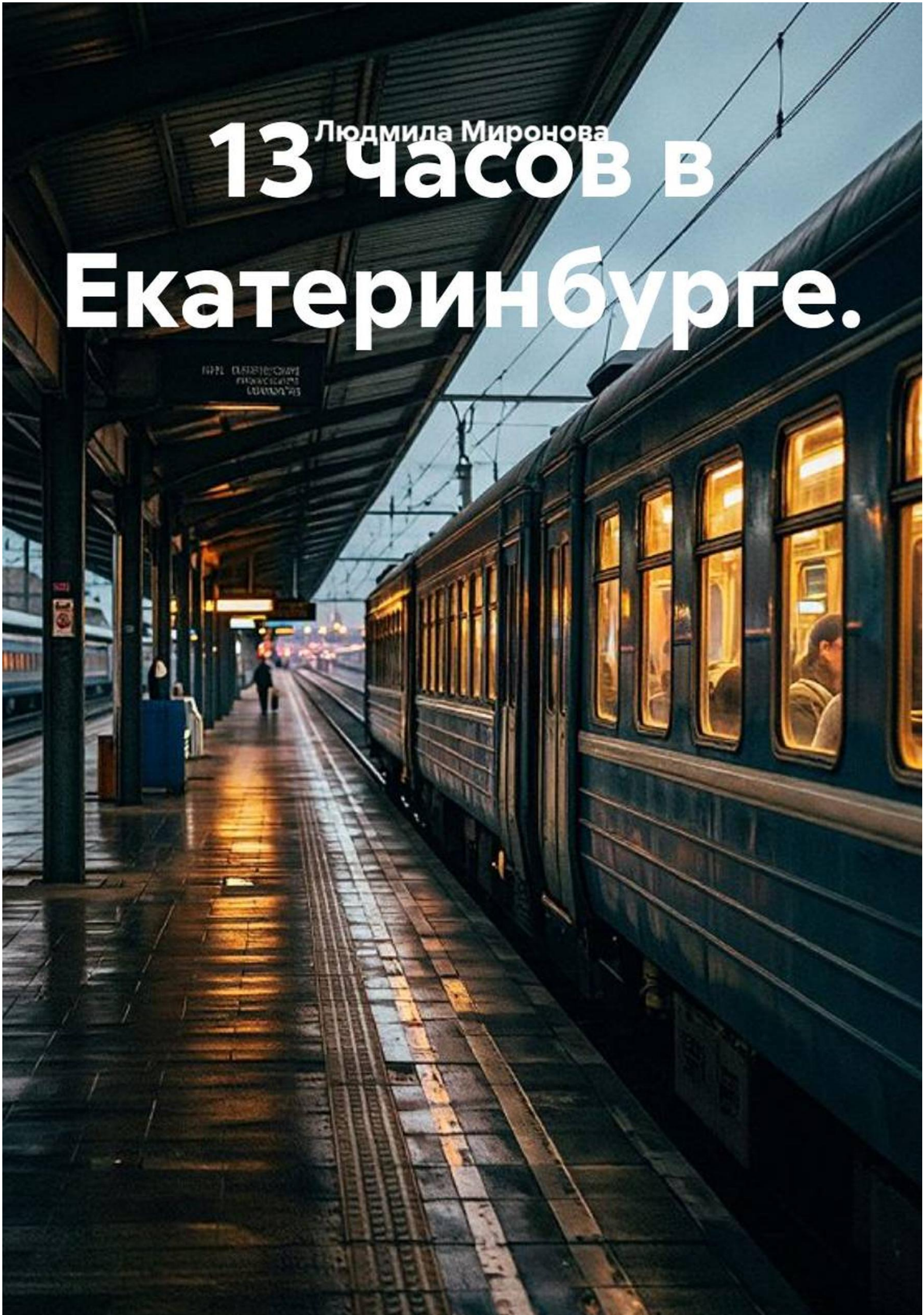

Людмила Миронова

13 часов в Екатеринбурге.

Людмила Миронова

13 часов в Екатеринбурге.

«Автор»
2026

Миронова Л. С.

13 часов в Екатеринбурге. / Л. С. Миронова — «Автор», 2026

Пять суток, три пересадки и тринадцать часов в Екатеринбурге — дорога двадцатилетней Лады и её брата к родственникам в Сибирь. Рассказ-рефлексия о том, как человек смотрит на мир и ищет в нём смысл: в дороге, в случайных попутчиках, в тишине вокзалов и в обыденном, которое мы замечаем только тогда, когда теряем.Почти всё, о чём здесь рассказано, было на самом деле. Имена и некоторые обстоятельства изменены.Рассказ входит в цикл «Окна»: у всего есть две стороны, и взгляд может быть разным — как из окон внутрь, так и наружу.

© Миронова Л. С., 2026
© Автор, 2026

Людмила Миронова
13 часов в Екатеринбурге.

Часть 1. Поезд тронулся в семь минут десятого

Поезд тронулся в семь минут десятого, и я впервые за утро выдохнула.

До этого было сплошное «надо»: надо успеть, надо не забыть, надо не спорить с Димой, который в последний момент решил, что возьмёт ещё одну сумку — «а вдруг там холодно». Я не спорила. Только смотрела, как он запихивает на верхнюю полку что-то бесформенное, и думала: все эти сборы — ритуал, попытка удержать будущее руками. Хотя будущее всё равно выскользнет.

Сама я собиралась иначе. Мне хотелось взять как можно меньше — не потому, что не люблю вещи, а потому, что не люблю тащить. Чем легче сумка, тем свободнее идёшь. Поэтому в поезд я не взяла даже переодевку: джинсы, свитер, а под ним лёгкая футболка — если станет жарко, свитер можно снять и остаться в футболке. Просто и достаточно. Я думала, что за пять суток ничего не случится. В сумке лежала книга — я всегда беру одну, чтобы было с чем молчать.

— Ну что, — сказал Дима, падая напротив. — Поехали.

Он улыбался так, будто впереди приключение, а не пятеро суток в плацкарте. Он то и дело смотрел на наручные часы, будто боялся, что поезд передумает и поедет обратно. Я кивнула. Мне двадцать, ему двадцать два, и это была первая поездка, которую мы придумали сами, без родителей. Взрослая жизнь казалась тогда чем-то, что вот-вот начнётся, — а она, оказывается, уже шла.

У меня было странное чувство, что я не еду, а отпускаю. Что-то осталось там, на перроне, вместе с городом, который я покидала впервые за два года. Осень всегда тянула меня в дорогу: все большие перемены в моей жизни случались осенью, как будто год начинался не в январе, а в сентябре. И я шла за ним.

За окном поплыли пригородные дома, потом гаражи, потом пустырь с одинокой берёзой. Берёза была ещё с последними жёлтыми листьями, и они дрожали на ветру, как будто прощались. Я смотрела на неё, пока та не скрылась, и поймала себя на мысли: вот эта берёза сейчас останется, а я поеду дальше. И никто из нас не узнает, что было дальше друг с другом. Мне показалось это важным, но вслух я не сказала.

Дима достал термос.

— Лада, чай будешь? Я взял тот, с чабрецом.

— Буду.

Он налил в крышку, подал мне. Пар шёл вверх, к лампе, и я смотрела, как он растворяется. В плацкарте пахло пылью, нагретым металлом и чьим-то печеньем. Напротив, через проход, женщина уже разложила на столике газету и резала на ней варёные яйца. Всё было как всегда — и от этого почему-то щемило.

— Ты чего такая? — спросил Дима, не глядя. Он всегда чувствовал.

— Да нет. Нормальная.

Я хотела сказать: «Мне кажется, я всю жизнь куда-то еду и не могу понять, куда». Но это было слишком большое для начала. Слишком честное. Вместо этого я отпила чай и посмотрела на него поверх крышки.

— Ты помнишь, как мы в детстве ездили к бабушке? Тоже поездом.

— Помню. Ты всё время считала столбы.

— Ага. А теперь думаю: зачем я их считала?

Дима засмеялся.

— Потому что тебе было пять.

— Нет, — сказала я серьёзно. — Мне кажется, я и сейчас их считаю. Просто по-другому.

Он не стал спорить. Только подлил себе чаю и сказал:

— Ну и считай. Главное — не пропусти пересадку.

Я улыбнулась. Это было по-братски: не лезть в философию, но и не обрывать. Просто напомнить, что есть расписание и есть жизнь, и они должны как-то сосуществовать.

Поезд набирал ход. За окном потянулись дачные посёлки, потом поле, потом снова лес. Я прижалась лбом к стеклу — оно было холодным и слегка дрожало. Я любила это ощущение: когда мир снаружи несётся, а ты сидишь неподвижно и всё-таки движешься. Как будто можно одновременно убегать и оставаться.

Впереди была первая пересадка. И пять суток, в которые я собиралась уместить ответ на вопрос, который даже не знала, как сформулировать.

Часть 2. Челябинск. Два часа

Поезд опоздал ровно на два часа — и это было самое издевательское число, какое могло быть.

Следующий поезд уходил через два часа после нашего расчётного прибытия. То есть опоздание съедало пересадку целиком, до последней минуты, и оставляло нам ровно ноль запаса. Дима смотрел на наручные часы каждые пять минут. Я смотрела в окно.

За стеклом тянулось одно и то же: низкое небо, мокрый снег, серые поля, редкие станции, где мы стояли дольше, чем хотелось бы. Поезд шёл медленно, будто специально. На каждой остановке я внутренне считала: ещё минута, ещё две. В какой-то момент мне показалось, что машинист просто не знает, что мы опаздываем. Что где-то там, впереди, есть расписание, и оно не имеет к нам никакого отношения.

— Успеем, — сказал Дима. Но сказал так, что я поняла: он сам не верит.

— Я не люблю опаздывать, — ответила я. — Не из-за поезда. Из-за того, что приходится бежать.

Он не спросил, что я имею в виду. Он и так знал: я не люблю, когда мир заставляет меня торопиться. Когда чужая неорганизованность становится моей проблемой. Когда приходится хватать сумку и нестись, вместо того чтобы спокойно дойти.

В Челябинске мы вышли из последнего вагона. А сесть должны были в первый — другого поезда, который уже стоял на соседнем пути. И это было почти издевательством: между нами и вагоном лежал весь перрон, весь этот холод, все эти люди.

Мы побежали.

Октябрь на Урале — это уже почти зима. Снег лежал, воздух был таким, что вдох обжигал горло, и я на ходу натянула шарф выше, до самого носа. Джинсы сразу стали холодными, свитер не спасал. Мы бежали, хватая ртом морозный воздух, лавируя между людьми, которые — и это меня бесило больше всего — не все спешили расступиться. Кто-то с чемоданом остановился прямо посреди прохода. Кто-то шёл навстречу, глядя в бумажную газету. Я обходила их, чувствуя, как раздражение поднимается откуда-то из живота, и думала: неужели трудно просто отойти в сторону? Неужели никто не видит, что человек бежит?

— Да пропустите же, — сказала я вслух, не громко, но с той злостью, которая копится с утра.

Дима обернулся на бегу:

— Лада, не злись. Не трать силы.

Он был прав. Но я всё равно злилась. Не на людей — на саму необходимость бежать. На то, что обстоятельства сильнее меня. На то, что я, спокойный человек, сейчас несусь по перрону, как будто от этого зависит что-то важное. Хотя, может, и зависело.

Мы влетели в первый вагон за минуту до отправления. Проводница посмотрела на нас с тем равнодушием, с каким смотрят на всех, кто бежит, и надорвала наши бумажные билеты. Мы зашли, поставили сумки, и я впервые за два часа выдохнула по-настоящему.

Внутри было тепло. Пахло тем же, чем всегда пахнет в поезде: нагретым металлом, пылью, чьим-то чаем. Я стянула шарф, расстегнула куртку и почувствовала, как холод уходит из пальцев.

— Замёрзла? — спросил Дима.

— Есть немного.

Он достал термос и пошёл за кипятком. Вернулся через минуту с двумя стаканами, в которых парило. Открыл сгущёнку — ту самую, в жестяной банке с двумя дырочками, — и выдавил в каждый стакан. Размешал, подал мне.

Я обхватила стакан обеими руками. Тепло шло от него в ладони, потом выше, к груди. Я сделала глоток — и почувствовала, как горло, обожжённое морозным воздухом, медленно отогревается. Сладкое, густое. Тепло, которое можно пить.

— Ну что, — сказал Дима. — Не заболеем?

— Не должны, — сказала я. — Если только от злости.

Он засмеялся, и я впервые за сегодня тоже улыбнулась.

За окном Челябинск уходил назад — серый, снежный, с домами, которые становились всё меньше. Я отпила ещё глоток и подумала: вот и первая пересадка. Мы успели. Мир не опоздал, мы не опоздали. И, может быть, всё это было не зря — эта злость, этот бег, этот холод. Потому что теперь я сидела в тепле, держала в руках стакан со сгущёнкой и думала, что тепло ценится только после холода. Как и покой — после спешки.

Впереди было тринадцать часов в Екатеринбурге. Я об этом ещё не думала. Я просто грелась.

Часть 3. Дорога до Екатеринбурга

После Челябинска я долго не могла уснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.